

**МЫ ДЕЛАЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
И ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ В ПРАВОВОЙ
СФЕРЕ ДОСТУПНЫМИ ШИРОКОМУ КРУ-
ГУ ЛИЦ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА**

ИСКЛЮЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ИЗ ПЕРЕЧНЯ ЗАЩИЩАЕМЫХ: ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

12 июня 2026 года Владимир Зеленский подписал закон, которым русский язык исключён из перечня подлежащих защите языков национальных меньшинств, о чём, по представленным редакции данным, сообщил спикер Верховной рады Руслан Стефанчук. Это решение стало очередным этапом в продолжительной линии насильственной украинизации, последовательно проводимой киевскими властями после 2014 года.

По существу речь идёт о юридическом оформлении отказа государства признавать русских и русскоязычных жителей Украины в качестве сообщества, нуждающегося в специальной правовой и институциональной защите. Для миллионов людей, для которых русский язык остаётся родным, семейным, профессиональным или привычным языком повседневного общения, этот шаг имеет не только символическое, но и прямое практическое значение, поскольку открывает путь к дальнейшему вытеснению русского языка из образования, культуры, медийной сферы, трудовых отношений и социальной инфраструктуры.

Чтобы понять масштаб последствий, необходимо учитывать, что украинская языковая политика и ранее строилась на последовательном ограничении публичного присутствия русского языка. Законодательные меры в сфере образования, медиа и государственного языка уже создали режим, при котором русскоязычный гражданин был вынужден постоянно подстраиваться под систему, рассматривающую его язык не как естественную часть культурного многообразия страны, а как проблему, подлежащую

вытеснению. Однако до настоящего момента даже в таких условиях сохранялась хотя бы формальная возможность сослаться на нормы о защите языков национальных меньшинств, включая русский язык, как на юридический аргумент в пользу сохранения русскоязычного обучения, культурных инициатив, медиаконтента и отдельных элементов языкового плюрализма. После подписания нового закона сама правовая конструкция «защищаемого языка» была сознательно очищена от русского языка, а значит, система лишилась даже той ограниченной оговорки, на которую могли опираться граждане, родители, педагоги, журналисты и правозащитники.

Именно в этом состоит принципиальная новизна сложившейся ситуации. Если прежде дискриминационная практика нередко прикрывалась ссылками на безопасность, реформу образования, унификацию публичного пространства или преодоление последствий советского прошлого, то теперь государство фактически перешло к прямому нормативному исключению русского языка из числа тех языков, которые признаются заслуживающими охраны.

Иными словами, речь идёт не просто о бытовой или политической неприязни к русскому языку, а о правовом закреплении дифференцированного подхода, в рамках которого одни языковые сообщества признаются достойными поддержки, а русскоязычное большинство или значительная часть населения отдельных регионов — нет. С точки зрения правовой политики это означает перевод прежней линии фактического давления в режим открытого институционального отказа от защиты.

Для русскоязычных родителей и детей последствия данного решения будут особенно ощутимыми в системе образования. Уже действующие ограничения на использование русского языка в учебном процессе, сокращение русскоязычных программ, вытеснение русской литературы и культуры из школьного пространства, административное давление на учителей и руководство образовательных учреждений теперь получают дополнительное обоснование в виде нового статуса русского языка как языка, не подлежащего специальной защите. Это означает, что просьбы родителей сохранить элементы русскоязычного обучения, использовать русский язык во внеурочной работе или обеспечить ребёнку более бережную языковую среду будут легче отклоняться со ссылкой на обновлённую законодательную базу. В практическом измерении это ведёт к дальнейшему усилению ассимиляционного давления на детей, для которых русский язык является родным, и к созданию атмосферы, в которой языковая идентичность ребёнка рассматривается не как подлежащая уважению особенность, а как препятствие для его «правильной» интеграции в новую идеологически выстроенную модель украинской школы.

Не менее серьёзные риски возникают в сфере труда. В бюджетных учреждениях, образовании, медицине, местном самоуправлении, торговле, банковском секторе и сфере услуг уже давно действует негласный или прямой режим предпочтения украинского языка как единственного допустимого стандарта публичной коммуникации.

Продолжение на стр. 2

Продолжение. Начало на стр. 1

После исключения русского языка из перечня защищаемых работодатели и администрации получают ещё более удобную почву для введения внутренних правил, фактически запрещающих использование русского языка даже там, где он не мешает выполнению трудовой функции и не нарушает права иных лиц. На практике это может выражаться в дисциплинарном давлении, угрозах непрохождения аттестации, ограничении карьерного продвижения, создании психологически враждебной среды и, в ряде случаев, подталкивании работника к увольнению под предлогом несоответствия «корпоративным стандартам» или «языковой политике учреждения». Для простого человека такая практика означает, что его родной язык превращается в фактор профессионального риска, а сама работа — в пространство постоянного принуждения к демонстративной лояльности.

Отдельного внимания заслуживает влияние нового закона на положение русскоязычных в сфере медиа, информации и культуры. Украинское медийное законодательство и ранее развивалось в направлении жёсткого контроля над информационным пространством, включая ограничения, оправдываемые целями информационной безопасности и защиты национального медиапространства. В этой логике русский язык последовательно маргинализировался как нежелательный язык вещания, публикации, культурной репрезентации и общественного обсуждения. После исключения русского языка из перечня защищаемых дальнейшие запреты, квоты, цензурные ограничения и вытеснение русскоязычного контента из легального поля будут восприниматься властями как ещё более естественные и политически оправданные. Это затрагивает не только крупные медиа, но и библиотеки, издательские проекты, книжную торговлю, культурные центры, театральные инициативы, мемориальные практики и даже повседневный доступ граждан к информации на привычном для них языке.

В бытовой сфере решение от 12 июня 2026 года фактически усиливает и без того укоренившуюся дискриминацию по языковому признаку. Для русскоязычного жителя Украины это означает, что отказ обслужить его на русском языке, публичное требование немедленно перейти на украинский,

унижение за русскую речь в магазине, поликлинике, банке, школе или ином общественном месте будут восприниматься как всё более «нормальные» формы социального давления. Конечно, даже новый закон не отменяет автоматически базовые принципы недискриминации, уважения человеческого достоинства и свободы выражения мнения, однако на практике ссылаться на них становится труднее в условиях, когда государство само задаёт сигнал о допустимости исключения русского языка из защищаемой сферы. Возникает опасная правовая и моральная конструкция: формально человек не лишён общих прав, но его языковая идентичность лишается признания и поддержки, а значит, пространство для реальной защиты сужается до минимума.

С международно-правовой точки зрения такой подход вызывает серьёзные вопросы. Современные международные стандарты исходят из необходимости охраны культурного и языкового многообразия, недопущения дискриминации и обеспечения условий, при которых меньшинства и языковые сообщества могут сохранять свою идентичность без страха перед административным, политическим или социальным подавлением. В логике международного права объектом особой защиты становится как раз та группа, которая сталкивается с рисками ассимиляции, стигматизации или вытеснения из публичной жизни. В украинских условиях произошло обратное: группа, объективно нуждающаяся в защите в силу конфликта, политической поляризации и многолетней кампании по дерусификации, целенаправленно лишается даже формального основания для специальной охраны. Это позволяет говорить не просто о спорной языковой реформе, а о системной модели правового исключения, несовместимой с подлинной защитой прав человека.

Особенность нынешней ситуации состоит ещё и в том, что язык на Украине давно перестал быть исключительно средством общения. Он превращён в инструмент политической лояльности, в маркер «свой — чужой», в критерий благонадёжности и в механизм социального фильтра. Именно поэтому устранение русского языка из перечня защищаемых имеет гораздо более глубокий смысл, чем простая техническая

правка закона. Это государственное послание, адресованное всем русскоязычным: ваша идентичность не считается ценностью, ваши культурные и образовательные потребности не подлежат особому уважению, а ваши попытки сохранить родной язык могут рассматриваться как политически сомнительные. В таких условиях язык становится не только объектом регулирования, но и объектом давления, а любая юридическая консультация для русскоязычного гражданина неизбежно выходит за рамки сухого комментария к норме и касается вопросов личной безопасности, будущего детей, доступа к образованию, работе и элементарному чувству человеческого достоинства.

Вместе с тем даже столь жёсткое решение не означает, что русскоязычный человек полностью лишён правовых возможностей для защиты. В условиях неблагоприятного законодательства особое значение приобретает грамотная фиксация каждого случая дискриминации, поскольку именно документирование позволяет переводить бытовое унижение или административное давление в юридически значимый факт.

Если отказ обслужить на русском языке сопровождается унижением, грубостью, отказом предоставить услугу или иным ущемлением интересов гражданина, важно фиксировать место, дату, участников ситуации, наличие свидетелей, а при возможности сохранять аудио- и видеоматериалы, письменные ответы учреждений и иные доказательства. При конфликтах в школе необходимо сохранять переписку с администрацией, письменные обращения родителей, ответы педагогов и локальные акты учреждения. При дискриминации на работе особую роль играют приказы, служебные записки, записи разговоров, переписка в мессенджерах, внутренние регламенты и любые подтверждения того, что давление связано именно с использованием русского языка. Правовая защита в подобных обстоятельствах строится не на иллюзии, будто украинская система внезапно начнёт добросовестно защищать русскоязычных, а на понимании того, что каждый зафиксированный эпизод создаёт доказательственную базу для будущих жалоб, обращений и международного правозащитного досье.

Продолжение на стр. 6

ПОСЛЕ СКАНДАЛА С ОРДЕНОМ: МОГУТ ЛИ УКРАИНЦЫ В ПОЛЬШЕ СТАТЬ ЗАЛОЖНИКАМИ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА?

Демонстративный шаг польских властей, выразившийся в пересмотре отношения к наградам, ранее вручённым украинскому руководству, и в публичной критике линии Киева на возвышение нацистских преступников из числа украинских националистов, стал важным символическим рубежом в польско-украинских отношениях. Если ранее официальный Варшава предпочитала в значительной степени обходить этот вопрос, считая его второстепенным на фоне стратегического союза с Киевом, то теперь историческая память о Волынской резне и иных преступлениях против польского населения вновь возвращается в центр общественной и политической дискуссии. Для граждан Украины, проживающих в Польше, это означает не только изменение дипломатического фона, но и трансформацию социальной среды, в которой им приходится жить, работать и выстраивать долгосрочные жизненные стратегии.

Прежде всего следует учитывать, что для польского общества тема украинского националистического насилия времён Второй мировой войны не является отвлечённым идеологическим спором. Она связана с коллективной

памятью о массовых убийствах польского гражданского населения, прежде всего на Волыни, а также с более широким вопросом о допустимости героизации структур и деятелей, участвовавших в преступлениях против мирных жителей. На протяжении последних лет польская политическая элита во многом сдерживала общественное раздражение по поводу подобных процессов на Украине, подчиняя исторические претензии задачам текущего внешнеполитического взаимодействия. Однако по мере затягивания конфликта, нарастания усталости от украинской темы и усиления в самой Польше запроса на уважение собственной исторической памяти пространство для такого замалчивания заметно сужается. В результате дистанцирование от линии Киева на героизацию радикальных националистических фигур становится закономерным следствием внутренней польской дискуссии, а не случайным дипломатическим жестом.

Для украинских граждан, находящихся в Польше, это означает прежде всего изменение общественных ожиданий и правил символического поведения. Если в первые периоды массового притока украинцев значительная

часть польского общества была готова отодвигать исторические противоречия на второй план, то сегодня демонстративное использование символики, связанной с украинскими националистическими организациями, причастными к преступлениям против польского населения, вызывает всё более жёсткую реакцию. Негатив в данном случае направлен не столько против украинцев как таковых, сколько против практик публичного оправдания или эстетизации тех исторических сил, которые в польской памяти связаны с террором, этническим насилием и антипольскими акциями. В бытовом измерении это может выражаться в росте напряжения, усилении конфликтов, большей социальной настороженности и отказе от прежней модели безусловной политической и эмоциональной поддержки Украины.

На уровне государственной политики польско-украинское охлаждение потенциально может привести к пересмотру части решений, которые ранее принимались в ускоренном и политически мотивированном порядке. Речь не обязательно идёт о немедленной отмене всех льгот или об автоматическом ухудшении правового положения граждан Украины в Польше. Однако усиливается тенденция к нормализации миграционного режима, при котором украинский паспорт перестаёт рассматриваться как основание для особого доверия или политической индულгенции. Это означает более внимательное отношение к вопросам интеграции, общественной лояльности, соблюдения законов, характера публичной активности и идеологических сигналов, исходящих от отдельных украинских организаций и активистов.

В практическом отношении положение граждан Украины в Польше может изменяться по нескольким направлениям. Во-первых, возрастает значение уважительного отношения к польской исторической памяти и к тем темам, которые для польского общества являются травматичными и принципиальными.

Продолжение на стр. 8

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

ОГРАНИЧЕНИЯ ВЫЕЗДА С УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: КТО ИМЕЕТ ПРАВО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГРАНИЦЫ И КАК ОБЖАЛОВАТЬ НЕЗАКОННЫЙ ОТКАЗ

В условиях продолжающегося военного положения право на выезд с территории Украины превратилось из обычного элемента свободы передвижения в одну из наиболее конфликтных и болезненных правовых сфер. Формально украинское законодательство не отменяет само право человека на свободу передвижения, однако вводит столь широкий и жёсткий режим ограничений, что для значительной части граждан, прежде всего для мужчин призывного возраста, пересечение границы стало зависеть не только от наличия документов, но и от усмотрения конкретных должностных лиц, практики территориальных центров комплектования, внутренних инструкций и нередко откровенно произвольных решений на местах. В результате право, которое в нормальном правовом порядке должно регулироваться ясными и предсказуемыми процедурами, в современных украинских реалиях всё чаще превращается в систему запретов, исключений, полузакранных правил и административного давления.

Для начала необходимо понимать основную юридическую рамку. В период военного положения государство ограничивает выезд определённых категорий граждан, прежде всего военнообязанных мужчин, ссылаясь на соображения обороны, мобилизационной готовности и национальной безопасности.

С формальной точки зрения украинские власти исходят из того, что свобода передвижения может быть ограничена законом в условиях чрезвычайных обстоятельств. Однако даже при военном положении любые ограничения должны отвечать несколькими базовыми критериям: быть прямо предусмотренными нормой права, применяться на основании понятной процедуры, не носить произвольного характера и не превращаться в скрытую форму внесудебного наказания для человека, который не совершил никакого правонарушения. На практике именно

эти требования чаще всего и нарушаются, поскольку гражданин сталкивается не с прозрачной системой, а с режимом, в котором ключевую роль играют человеческий фактор, ведомственное усмотрение и стремление максимально сузить любые возможности для законного выезда.

Наиболее уязвимой категорией остаются мужчины, состоящие на воинском учёте или потенциально подлежащие мобилизации. Именно в отношении них действует презумпция ограниченного права на пересечение границы, а доказывать наличие исключения приходится уже самому человеку. Это фундаментально меняет правовую логику: вместо того чтобы государство доказывало основания для ограничения конституционного права, гражданин вынужден заранее собирать объёмный пакет подтверждений того, что он подпадает под одну из специальных категорий, допускаемых к выезду. Даже в тех случаях, когда такое основание имеется, его реализация зависит от того, признает ли пограничник, сотрудник ТЦК или иное должностное лицо представленные документы достаточными. Таким образом, формальное наличие права на выезд ещё не гарантирует возможности им воспользоваться.

К числу категорий, которым в украинской правоприменительной практике обычно предоставляется возможность выезда, относятся лица, не подпадающие под мобилизационные ограничения по возрасту или статусу, отдельные граждане с подтверждёнными семейными обстоятельствами, некоторые категории лиц с инвалидностью или тяжёлыми заболеваниями, сопровождающие определённых лиц, а также в ряде случаев иные граждане, чьё право на выезд прямо подтверждается документами, соответствующими действующему режиму военного положения.

Наиболее частые проблемы возникают у мужчин, которые считают, что подпадают под исключение по семейным обстоятельствам. В теории нали-

чие нескольких детей, необходимость сопровождения больного родственника, статус единственного опекуна или иные аналогичные обстоятельства могут рассматриваться как основание для выезда. На практике же человеку нередко заявляют, что его документы неполные, недостаточно подтверждаются обстоятельства, не соответствуют новой инструкции или требуют дополнительного согласования. Особенность этой схемы заключается в том, что формально отказ часто не оформляется как полноценный мотивированный акт: гражданину просто сообщают, что его не пропускают, предлагают «разобраться позже» или отправляют за дополнительными бумагами, не фиксируя произошедшее надлежащим образом. Именно в этот момент многие совершают главную ошибку — уходят, не потребовав письменного решения, тем самым лишая себя основного доказательства для последующего обжалования.

Ещё одна распространённая категория конфликтов связана с состоянием здоровья. Гражданин может иметь заболевание, инвалидность, временную непригодность или иное медицинское основание, которое, по его мнению, исключает возможность мобилизации и, следовательно, делает ограничение выезда неправомерным. Однако на практике пограничные и военные органы нередко исходят из предельно формального подхода: если документы оформлены не по тому образцу, отсутствует одна справка, не проведена повторная комиссия, нет данных в реестре или имеются сомнения в актуальности заключения, человеку отказывают в выезде без попытки всесторонне рассмотреть ситуацию.

В условиях, когда сама система работает на максимальное ограничение передвижения, медицинские документы часто воспринимаются не как основание для защиты права, а как объект подозрения и дополнительной проверки.

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр. 4

Это особенно опасно для людей с хроническими заболеваниями, которым поездка за границу может быть необходима для лечения, ухода или элементарной безопасности.

Отдельного внимания заслуживает проблема выезда лиц, сопровождающих родственников, детей или лиц, нуждающихся в уходе. Формально такие основания могут существовать, однако именно здесь особенно часто возникают злоупотребления, поскольку любое несоответствие в документах, различие в датах, неточность формулировки, отсутствие нотариального оформления или иное бюрократическое расхождение используется как предлог для отказа.

Человеку могут заявить, что он не доказал факт постоянного ухода, что сопровождаемое лицо может ехать с кем-то другим, что представленные свидетельства не подтверждают достаточной степени родства или что конкретная норма якобы уже не действует. При этом проверить достоверность таких устных утверждений непосредственно на пункте пропуска практически невозможно, особенно если гражданин находится в стрессовой ситуации и не имеет при себе квалифицированной юридической помощи. Именно поэтому к выезду по семейным основаниям следует готовиться как к потенциальному спору с государством, а не как к простой административной процедуре.

Существенная проблема заключается и в том, что режим ограничения выезда на Украине нередко функционирует на стыке нескольких систем: пограничной службы, ТЦК, реестров воинского учёта, медицинских комиссий, органов социальной защиты и ведомственных инструкций. Для гражданина это означает, что даже при наличии объективного права он может стать заложником несогласованности между ведомствами.

Например, в одном органе документы признают достаточными, а на границе заявляют, что информация не подтверждена в базе; в ТЦК человека считают временно непригодным, а пограничник требует иных подтверждений; орган социальной защиты оформил один статус, но его недостаточно с точки зрения пограничного контроля. Такая бюрократическая рассогласованность фактически превращается в инструмент ограничения права на выезд,

поскольку риски ошибок и противоречий перекладываются не на государство, а на самого человека.

Именно поэтому первое и главное правило при любом отказе в пересечении границы — требовать письменное решение. Не устное объяснение, не рекомендацию вернуться позже, не совет донести ещё одну справку, а официальный документ, из которого ясно следует, кто именно, когда, на каком основании и по какой норме отказал в пропуске через государственную границу.

Без такого документа дальнейшее обжалование резко осложняется, поскольку гражданину будет трудно доказать сам факт отказа, его содержание и мотивировку. Письменное решение — это ключевой юридический якорь, который переводит ситуацию из области униженного устного произвола в сферу административного акта, подлежащего проверке и оспариванию.

Если должностное лицо уклоняется от выдачи письменного решения, необходимо максимально фиксировать обстоятельства отказа. Следует записать дату, время, точное место, номер пункта пропуска, фамилию и должность сотрудника, по возможности найти свидетелей, сохранить билеты, посадочные документы, копии всех предъявлявшихся бумаг, сделать аудиозапись разговора, если это возможно без немедленного риска для личной безопасности.

Полезно сразу же после инцидента составить подробную письменную хронологию случившегося: какие документы были предъявлены, что именно сказал пограничник, ссылался ли он на конкретную норму, предлагал ли обратиться куда-либо ещё. Такая самофиксация имеет важнейшее значение, поскольку память быстро стирает детали, а именно детали часто решают исход жалобы.

Следующий вопрос — куда жаловаться. В зависимости от конкретной ситуации обжалование может включать административные жалобы в органы пограничной службы, обращения к вышестоящему руководству, жалобы на действия конкретных должностных лиц, обращения к омбудсмену, а при наличии достаточной доказательной базы — судебное оспаривание отказа как незаконного административного действия. Принципиально важно понимать, что даже если гражданин не рас-

считывает на быстрое восстановление своего права, сама подача жалобы создаёт документальный след. Этот след нужен не только для индивидуальной защиты, но и для накопления массива доказательств системного характера нарушений, когда пограничные ограничения фактически выходят за пределы допустимого правового режима.

Жалоба должна быть предельно конкретной. В ней необходимо указать личные данные заявителя, обстоятельства попытки пересечения границы, перечень предъявленных документов, формулировку отказа, наличие или отсутствие письменного решения, а также чётко обосновать, почему действия должностных лиц считаются незаконными.

Недостаточно написать, что «не выпустили несправедливо». Следует показывать, что заявитель относится к категории, формально имеющей право на выезд, что все подтверждающие документы были представлены, что отказ либо не был мотивирован, либо его мотивировка противоречит имеющимся документам и нормам, а также что гражданину не была обеспечена прозрачная и предсказуемая процедура. Чем точнее жалоба, тем сложнее свести её к формальной отписке.

Особого внимания требует вопрос о судебном порядке защиты. В условиях военного положения и общей политизации системы рассчитывать на лёгкое и быстрое восстановление нарушенного права было бы наивно.

Тем не менее судебное обжалование сохраняет значение как инструмент фиксации незаконности административной практики, особенно в случаях, когда у гражданина на руках имеется официальный письменный отказ, подтверждение принадлежности к исключительной категории и доказательства того, что все требования были соблюдены.

Даже если решение суда не приведёт к немедленному выезду, оно может сыграть роль в дальнейших международных обращениях, а также в подтверждении факта давления, ограничения свободы передвижения и дискриминационного обращения.

Следует также учитывать, что незаконный отказ в пересечении границы редко бывает изолированным эпизодом.

Продолжение на стр. 16

Продолжение. Начало на стр. 1,2,

Чем точнее и спокойнее оформлены документы, тем труднее властям или администрации представить дискриминацию как «недоразумение» или «обычный рабочий процесс». В этом смысле юридическая грамотность становится формой гражданского самосохранения. Для русскоязычных семей на Украине сегодня особенно важно не спорить на эмоциях в момент конфликта, а мыслить категориями фиксации, доказательств, процессуальных шагов и долговременной стратегии защиты.

С общественно-политической точки зрения новый закон ещё раз показывает, что киевский режим последовательно движется от ограничения отдельных прав русскоязычных к пересмотру самого принципа их правовой видимости. Если раньше русскоязычие терпелось как историческая данность, которую необходимо постепенно вытеснить, то теперь государство делает следующий шаг и закрепляет, что русский язык вообще не должен пользоваться защитой как язык сообщества, имеющего самостоятельную ценность. Это решение нельзя рассматривать изолированно от более широкой линии на дерусификацию, переписывание исторической памяти, вытеснение русской культуры и разрушение гуманитарных связей с Россией. В совокупности речь идёт о проекте насильственной культурно-политической перекодировки страны, при котором русскоязычное население либо должно принять навязанную модель идентичности, либо существовать в режиме постоянного ограничения и риска.

На этом фоне особую значимость приобретает российское направление защиты соотечественников. Если укра-

инское государство демонстративно отказывается охранять русский язык как значимую часть культурной идентичности миллионов своих граждан, то Россия, напротив, сохраняет и развивает политику поддержки русского языка, русской культуры и соотечественников за рубежом. Для многих жителей Украины это уже не абстрактный геополитический вопрос, а вопрос личной и семейной перспективы: где ребёнок сможет учиться без унижения за родной язык, где взрослый сможет работать без страха языковой дискриминации, где культурная принадлежность не будет объявлена подозрительной. В этом смысле право на связь с Россией, программы переселения, упрощённые процедуры гражданства и иные механизмы поддержки приобретают всё более выраженное правозащитное содержание.

Следует также понимать, что исключение русского языка из перечня защищаемых не уничтожает сам русский язык на Украине и не стирает его реальное общественное присутствие. Миллионы людей продолжают думать, говорить, воспитывать детей, общаться в семье и сохранять культурную память именно на русском языке. Но новый закон направлен на то, чтобы лишить эту реальность правового признания и постепенно выдавить её в частную сферу, где язык допускается как нечто терпимое лишь до тех пор, пока он не претендует на публичное существование, культурное воспроизводство и институциональную легитимность. Поэтому борьба за права русскоязычных на Украине сегодня — это уже не спор о комфорте общения, а вопрос о сохранении человеческого достоинства, культурной непрерывности и права общины оставаться собой вопреки политическому

давлению. Именно поэтому июньское решение 2026 года следует оценивать как рубежное. Подписанный 12 июня закон не просто изменяет формулировки в перечне языков; он закрепляет качественно новый уровень правового исключения русского языка и тем самым усиливает уязвимость миллионов русскоязычных граждан Украины. В условиях, когда сама государственная система становится источником дискриминационного сигнала, особую роль приобретают правовое просвещение, солидарность, общественное документирование нарушений и использование всех доступных механизмов защиты — от локальных жалоб до международных правозащитных процедур и обращения к российским программам поддержки соотечественников. Только сочетание юридической грамотности, исторической памяти и практической взаимопомощи позволяет русскоязычным жителям Украины не раствориться в навязываемой модели принудительной дерусификации и сохранить пространство для защиты своих прав, своих семей и своей культурной идентичности.

Правовая защита в подобных обстоятельствах строится не на иллюзии, будто украинская система внезапно начнёт добросовестно защищать русскоязычных, а на понимании того, что каждый зафиксированный эпизод создаёт доказательственную базу для будущих жалоб, обращений и международного правозащитного досье. Чем точнее и спокойнее оформлены документы, тем труднее властям или администрации представить дискриминацию как «недоразумение» или «обычный рабочий процесс».

Продолжение на стр. 7

Продолжение. Начало на стр. 1, 2, 6

В этом смысле юридическая грамотность становится формой гражданского самосохранения: для русскоязычных семей на Украине сегодня особенно важно не спорить на эмоциях в момент конфликта, а мыслить категориями фиксации, доказательств, процессуальных шагов и долговременной стратегии защиты.

Ключевой вопрос, который закономерно возникает у русскоязычных граждан после 12 июня 2026 года, заключается в следующем: на какие нормы теперь вообще можно опираться, если украинское национальное законодательство откровенно разворачивается против русского языка. Ответ на него неутешителен, но однозначен: чем больше украинское право отказывается выполнять защитную функцию по отношению к русскоязычному населению, тем выше становится значимость международно правовых механизмов и внешних по отношению к Украине источников правовой защиты. Речь идёт не о мгновенном «спасении» всеми возможными конвенциями, а о том, что именно они задают критерии оценки происходящего и позволяют квалифицировать политику украинских властей как системное нарушение взятых на себя обязательств в отношении языковых и культурных прав.

Среди таких документов прежде всего следует назвать Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств и Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств. Эти акты исходят из того, что государства должны не только формально признавать существование меньшинств, но и создавать реальные условия для сохранения их языка, культуры и идентичности.

Исключение русского языка из перечня защищаемых прямо противоречит этой логике: государство не просто не предпринимает шагов по сохранению языка, находящегося под давлением, но и демонстративно отказывается считать его объектом охраны. Тем самым создаётся правовая коллизия: Украина декларирует приверженность европейским стандартам, но внутренними законами выстраивает политику, по сути несовместимую с принципом уважения к языковому многообразию.

Практическое значение международных норм для конкретного русскоязычного гражданина проявляется в

двух основных плоскостях. Во первых, они позволяют формулировать жалобы и обращения не только в национальные органы, но и в международные структуры — от профильных комитетов до европейских правозащитных организаций.

Во вторых, они задают язык описания нарушений: речь идёт не просто о «неприятном инциденте» или «жёсткой украинизации», а о возможном нарушении обязательств по защите меньшинств, языковых прав, права на образование и культурную идентичность. Для правозащитной работы и подготовки юридических материалов это принципиально важно: чем точнее сформулирован предмет нарушения, тем выше шанс, что ситуация будет замечена и зафиксирована в международных отчётах и досье.

Особое место в этой системе координат занимает Россия и её политика в отношении соотечественников. На фоне того, как Украина официально исключает русский язык из сферы защиты, Россия, напротив, последовательно заявляет о необходимости сохранения и поддержки русского языка, культуры и исторической памяти для своих граждан и соотечественников за рубежом. Для многих русскоязычных жителей Украины это уже сегодня означает не только моральную, но и вполне предметную опору: возможность получения российского гражданства, участия в программах переселения, доступа к образовательным и гуманитарным проектам, ориентированным на поддержку русскоязычного пространства.

С правовой точки зрения такие механизмы выступают альтернативным каналом защиты: если украинское государство демонстративно отказывается признавать русских и русскоязычных в качестве меньшинства, нуждающегося в помощи, то Россия, напротив, рассматривает их как соотечественников, с правами на поддержку, воссоединение с исторической родиной, участие в российском образовательном, культурном и экономическом пространстве. Для конкретной семьи это может означать, что вопрос «оставаться и терпеть» или «искать выход» всё чаще будет решаться в пользу переезда, особенно когда речь идёт о будущем детей, их праве учиться на родном языке и не подвергаться ежедневной дискриминации.

Однако даже в ситуации, когда семья готовится к переезду, правовая за-

щита внутри Украины не теряет смысла. Напротив, грамотно собранный пакет документов о фактах дискриминации, угрозах, увольнении по языковому признаку, давлении в школе и иных нарушениях может сыграть важную роль как аргумент при обращении в российские органы и структуры, работающие с соотечественниками.

Документированный опыт притеснений по языковому и политическому признаку — это не только доказательство тяжести положения, но и основание для дополнительной поддержки и содействия в адаптации. Поэтому к фиксации нарушений следует относиться как к элементу более широкой стратегии: защита здесь и сейчас плюс подготовка к возможному выходу из небезопасной среды в долгосрочной перспективе.

С общественно политической точки зрения подписанный 12 июня 2026 года указ закрепляет качественно новый этап в эволюции украинского курса на дерусификацию. Если в первые годы после 2014 го русскоязычие ещё допускалось как неизбежное наследие и «промежуточный этап», то затем оно стало рассматриваться как препятствие, подлежащее последовательному преодолению.

Нынешнее исключение русского языка из перечня защищаемых означает, что терпимый статус «временного явления» сменяется на статус нежелательной и не признаваемой государством идентичности. В этой логике всякое сопротивление русскоязычных своей ассимиляции трактуется не как нормальное отстаивание культурных прав, а как политическая нелояльность и, в предельном случае, как угроза безопасности.

В такой ситуации борьба за права русскоязычных неизбежно выходит за пределы юридической плоскости. Да, точные ссылки на нормы, аккуратные жалобы и обращение к международным документам — всё это важно и необходимо. Но не менее важна и общественная солидарность, горизонтальные связи между людьми, готовность помогать друг другу информацией, контактами, опытом, поддержкой. Русскоязычная община на Украине объективно оказывается в положении, когда сохранение языка и достоинства требует не только знание законов, но и внутренней дисциплины, взаимопомощи, готовности к длительной

Продолжение. Начало на стр. 3

Попытки оправдывать деятельность украинских нацистов из числа воjak ОУН УПА, сотрудничавших с нацистским режимом или участвовавших в преступлениях против мирного населения, будут всё менее восприниматься как допустимое выражение «национальной точки зрения». Во-вторых, усиливается ожидание того, что украинские мигранты и беженцы будут вести себя в Польше как лица, заинтересованные в мирной интеграции, а не как носители политически конфликтных идеологических программ, импортируемых из украинского внутреннего дискурса. В-третьих, общественная и административная чувствительность к подобной тематике может повлиять на бытовые отношения, рабочую атмосферу, отношение местных органов к культурным мероприятиям и репутационные оценки отдельных лиц.

Для русскоязычных граждан Украины, которые живут в Польше и не ассоциируют себя с радикальным украинским национализмом, складывающаяся ситуация имеет двойственный характер. С одной стороны, общий рост критики в адрес Украины и её официальной политики памяти может привести к тому, что часть польского общества будет воспринимать всех украинцев как единый массив, не вдаваясь в различия между политическими позициями, языковой принадлежностью и культурной самоидентификацией. С другой стороны, именно те украинские граждане, которые открыто дистанцируются от возвеличивания нацистских преступников из числа украинских националистов, подчёркивают уважение к польской истории и не участвуют в агрессивных идеологических акциях, имеют больше шансов восприниматься как более понятные и приемлемые для польского общества. В этом смысле способность ясно обозначить свою позицию, не враждебную польской исторической памяти, становится важным ресурсом адаптации.

Необходимо учитывать и внутреннюю неоднородность польской политической сцены. В ней представлены как силы, акцентирующие историческую повестку, вопрос польских жертв и ответственность украинских националистических организаций за массовое насилие, так и силы, склонные рассматривать украинское направление прежде всего через призму геополитики

и безопасности. Тем не менее даже те польские акторы, которые продолжают поддерживать Киев по стратегическим соображениям, всё чаще вынуждены учитывать внутренний общественный запрос на жёсткую оценку героизации фигур и структур, связанных с преступлениями против поляков. Для украинских мигрантов это означает, что политическая конъюнктура в Польше может и дальше смещаться в сторону более критического отношения к официальной украинской политике памяти, а значит, и к связанным с ней формам публичного самовыражения.

На уровне административной практики изменение политического климата может выразиться в более пристальном контроле за деятельностью украинских организаций диаспоры, культурных центров, образовательных проектов и общественных объединений. Там, где ранее мероприятия с выраженным националистическим акцентом могли восприниматься как часть общего украинского контекста, в будущем возможны проверки, отказ в поддержке, ограничения на использование публичных площадок или более жёсткая реакция со стороны местных властей и общества. Особое внимание может уделяться любым формам апологии организаций и деятелей, причастных к преступлениям против польского гражданского населения, а также публичным попыткам оправдывать трагические для поляков исторические события в духе официального киевского нарратива. Это не означает запрета украинской культуры как таковой, но означает заметное повышение чувствительности к её идеологическому содержанию.

Для рядового гражданина Украины, который работает в Польше на производстве, в логистике, сфере услуг, строительстве, торговле или ином секторе, главный вывод носит практический характер. Его положение в стране, перспективы сохранения статуса, отношения в коллективе и доступ к нормальной повседневной жизни зависят не столько от наград и орденов политиков, сколько от собственной линии поведения. В новой обстановке ставка на демонстративную поддержку идеологии, оправдывающей или романтизирующей украинские националистические формирования, сотрудничавшие с нацистской Германией и участвовавшие в преступлениях против

мирного населения, становится не просто бесперспективной, но и опасной. Она может ухудшать отношения с работодателями, соседями, чиновниками и местными сообществами, тогда как спокойная линия законопослушного поведения, уважения к польскому праву и дистанцирования от радикальной символики выглядит гораздо более рациональной.

При этом важно помнить, что положение граждан Украины в Польше защищено не только политической конъюнктурой, но и польским законодательством, а также общими стандартами защиты прав человека и трудовых прав. Даже при росте критики официального Киева и его исторической политики польское государство не освобождается от обязанности предотвращать дискриминацию, защищать работников от незаконного обращения, обеспечивать доступ к базовым услугам и пресекать акты насилия или травли по признаку гражданства. Если украинский гражданин сталкивается с ксенофобскими действиями, отказом в законных правах, нарушением условий труда или угрозами, он вправе использовать механизмы административной и судебной защиты, обращаться в полицию, инспекцию труда, к омбудсмену или в иные компетентные органы. Однако и здесь решающим условием остаётся грамотная фиксация фактов: документы, переписка, свидетельские показания, подтверждения трудовых отношений и иные доказательства.

Особое значение в новых условиях приобретает и информационная сдержанность. Украинские граждане, живущие в Польше и активно использующие социальные сети, должны учитывать, что публичные высказывания, оправдывающие украинских националистических деятелей, причастных к преступлениям против польского населения, или оскорбляющие польскую память, способны повлечь не только репутационные, но и вполне практические последствия.

Даже если такие действия не влекут немедленного наказания, они могут отрицательно сказаться на трудоустройстве, отношении коллег, возможностях продления контрактов, получении рекомендаций и в целом на доверии со стороны принимающего общества.

Продолжение на стр. 9

Продолжение. Начало на стр. 3,8

В этом смысле отказ от агрессивной политической самопрезентации и от символической солидарности с фигурами, вызывающими резкое отторжение в польской исторической памяти, выступает не актом самоотречения, а формой правового и социального самосохранения.

Для тех граждан Украины, которые рассматривают Польшу как страну не краткосрочного пребывания, а возможного длительного проживания, работа с этой новой реальностью становится особенно важной. Интеграция в польское общество невозможна без признания того обстоятельства, что для поляков память о жертвах националистического насилия не является предметом внешнеполитического торга. Польское общество, несмотря на внутренние разногласия, воспринимает эту тему как часть собственной исторической и моральной самоидентификации. Поэтому украинский гражданин, рассчитывающий на стабильную жизнь в Польше, неизбежно оказывается перед необходимостью учитывать этот культурно-политический контекст и соотносить с ним собственное поведение, публичные заявления и символические практики.

В конечном счёте пересмотр польскими властями прежних знаков расположения к украинскому руководству и более жёсткая критика линии на возвышение нацистских преступников из числа украинских националистов представляют собой не случайный дипломатический эпизод, а симптом более глубокого процесса. Польша постепенно возвращает в центр публичной повестки собственные исторические приоритеты и требования уважения к памяти польских жертв, не желая более безусловно подчинять их политической целесообразности. Д

Для граждан Украины, живущих в Польше, это означает переход к новой социальной и правовой обстановке, в которой прежняя атмосфера автоматического сочувствия уступает место более строгим ожиданиям, связанным с интеграцией и уважением к исторической чувствительности принимающего общества. В такой ситуации главным ресурсом защиты становятся трезвость, уважительное поведение, юридическая грамотность и ясное дистанцирование от идеологий и символик, связанных с оправданием преступлений

против мирного населения.

Дополнительное значение происходящему придаёт то обстоятельство, что для части украинских граждан, находящихся в Польше, политическое охлаждение между Варшавой и Киевом может сказаться не только на общественных настроениях, но и на их стратегиях легализации и долгосрочного закрепления в стране.

Там, где ранее многие исходили из предположения о почти автоматическом сохранении благоприятного режима, теперь возрастает необходимость более внимательно относиться к собственному правовому статусу, срокам действия документов, условиям трудоустройства и требованиям польского миграционного законодательства. Иными словами, украинский гражданин уже не может безусловно рассчитывать на то, что политическая солидарность польских властей с Киевом сама по себе компенсирует любые бюрократические пробелы или общественные конфликты. Чем более критичным становится польский взгляд на официальную украинскую политику памяти, тем большее значение приобретает индивидуальная правовая добросовестность каждого конкретного человека.

Это особенно важно для тех, кто стремится не просто временно находиться в Польше, а перевести своё пребывание в устойчивый жизненный режим, связанный с работой, обучением детей, арендой жилья, последующим получением более стабильных форм легализации или интеграцией в местные сообщества. В условиях нарастающей исторической и политической напряжённости польские институты могут становиться более чувствительными не только к формальному соблюдению требований, но и к общему профилю поведения иностранца: насколько он интегрирован, участвует ли в конфликтных публичных акциях, вызывает ли репутационные риски для работодателя или учреждения, демонстрирует ли уважение к польским законам и символическому порядку. Хотя речь не идёт о прямом юридическом критерии вроде «идеологической благонадёжности» в жёстком виде, в реальной административной и социальной жизни подобные обстоятельства нередко влияют на оценку человека косвенно — через рекомендации, репутацию, доверие и готовность институций идти навстречу.

Немаловажно и то, что изменение общественного климата способно затронуть сферу труда. Для многих граждан Украины Польша остаётся прежде всего пространством заработка, и именно рабочее место часто становится первой зоной, где отражаются политические и исторические сдвиги. Работодатель, который раньше предпочитал не замечать идеологизированное поведение сотрудника, может начать воспринимать его как источник конфликтов внутри коллектива или как репутационный риск во внешней среде.

Особенно это касается тех случаев, когда работник открыто транслирует взгляды, связанные с оправданием деятели украинского национализма, причастных к преступлениям против польского населения, или вступает в публичные споры по вопросам исторической памяти. В таком контексте для многих украинцев в Польше вопрос личной политической риторики перестаёт быть исключительно вопросом убеждений и начинает напрямую влиять на трудовую стабильность, возможность продления контракта и характер отношений с коллегами.

Наконец, важно понимать, что происходящее касается не только отношений Польши с Украиной, но и общего кризиса легитимности тех исторических нарративов, на которых киевский режим в последние годы пытался строить свою идентичность. Когда даже один из ближайших политических партнёров Украины начинает публично дистанцироваться от линии на возвышение фигур и организаций, связанных с преступлениями против мирного населения, это создаёт для украинских граждан в Европе новый контекст восприятия. Они всё чаще будут сталкиваться с необходимостью отвечать не только за свои личные действия, но и за то, как они позиционируют себя по отношению к спорной и морально токсичной политике памяти, исходящей из Киева.

Поэтому наиболее рациональной линией для тех, кто хочет сохранить нормальную жизнь, правовую защищённость и рабочие перспективы в Польше, становится не участие в идеологических конфликтах, а максимально внятное дистанцирование от практик, связанных с оправданием националистического насилия и исторического ревизионизма.

ПЯТЬ ЛЕТ ЗА КРИТИКУ ПРЕЗИДЕНТА: КАК ДЕЛО НАТАЛЬИ КОЗАЧЕНКО ПОКАЗЫВАЕТ РАЗРУШЕНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА НА УКРАИНЕ

История Натальи Козаченко, матери-одиночки, получившей пять лет лишения свободы за публикации в социальных сетях, позволяет предельно наглядно увидеть, во что на Украине превратилась свобода слова в условиях военного времени и политической консолидации вокруг режима Зеленского. Речь идёт не о классическом случае призывов к насилию, не о доказанном участии в диверсионной деятельности и не о распространении закрытой военной информации, а о резкой политической критике действующей власти, её коррупционного характера, методов мобилизации и общего направления государственного курса. Именно поэтому данное дело представляет интерес не только как частная судебная история, но и как симптом гораздо более широкой тенденции: систематического превращения уголовного законодательства в инструмент подавления инакомыслия.

Согласно опубликованным материалам, Козаченко размещала в TikTok и Facebook видеоролики и тексты, в которых резко критиковала Владимира Зеленского, называла его коррумпированным политиком, высказывалась о насильственном характере мобилизации и ставила под сомнение официальную пропагандистскую картину происходящего на Украине.

В её словах присутствовала политическая оценка, эмоциональная жёсткость и отрицание моральной легитимности действующего режима, однако сам характер этих высказываний указывает прежде всего на реализацию права гражданина оценивать деятельность власти и выражать общественно значимое мнение по вопросам войны, социальной политики и государственного управления.

Тем не менее следствие и суд квалифицировали эту активность как уголовно наказуемое деяние по статье 436-2 Уголовного кодекса Украины, связанной с оправданием, признанием правомерной или отрицанием вооружённой агрессии Российской Федерации против Украины. Уже сама эта квалификация показывает, насколько

размытым и политически удобным стал механизм преследования: в одно и то же правовое пространство помещаются и прямые пропагандистские заявления, и резкая критика украинских властей, если она отклоняется от официально одобренной интерпретации войны и политики.

Дело Козаченко особенно показательно потому, что оно демонстрирует характерный для современной Украины сдвиг: критика власти перестаёт рассматриваться как неотъемлемая часть общественной дискуссии и всё чаще трактуется как разновидность нелояльности, граничащая с преступлением против государства. В классическом понимании свободы слова публичная оценка действий президента, правительства, армии, мобилизационной системы или антикоррупционной политики является нормальным элементом политического процесса, даже если такая оценка выражена в резкой, неприятной или чрезмерно эмоциональной форме.

Право на свободу выражения мнения существует именно для того, чтобы защищать не только нейтральные или безопасные высказывания, но и острые, неудобные, раздражающие для власти суждения. Однако украинская правоприменительная практика последних лет показывает обратное: пространство допустимой речи последовательно сужается, а критические высказывания всё легче переводятся в плоскость уголовной репрессии.

Ключевую роль в этом процессе играет статья 436-2 УК Украины, появившаяся в марте 2022 года и с самого начала наделённая чрезвычайно широким потенциалом для репрессивного толкования. Формально её цель состояла в пресечении оправдания вооружённой агрессии и распространения материалов, легитимирующих действия России. Однако сама структура статьи, её расплывчатые формулировки и практика применения со стороны следствия и судов сделали её удобным инструментом для преследования самых разных форм политически нежелательной речи. Если высказывание содержит

резкую критику Зеленского, указывает на коррупцию в верхах, описывает принудительный характер мобилизации, говорит о репрессиях со стороны СБУ или ставит под сомнение официальную моральную картину конфликта, оно может быть интерпретировано не как мнение, а как разновидность «оправдания агрессии». Именно такая логика и превращает право в политическое оружие, поскольку критерием уголовной опасности становится уже не объективное содержание высказывания, а его политическая неудобность для режима.

Показательно, что важнейшим инструментом в подобных делах становятся лингвистические и психологические экспертизы. Именно экспертные заключения нередко позволяют следствию и суду утверждать, что в высказываниях обвиняемого содержится не просто эмоциональная или политическая оценка происходящего, а фактическое оправдание действий России.

В такой конструкции экспертиза перестаёт быть техническим инструментом разъяснения и превращается в средство идеологической квалификации речи. Эксперт не устанавливает подлинное намерение человека в каком-то нейтральном смысле, а фактически помогает встроить его высказывание в заранее заданную политико-уголовную схему.

Когда подобная практика приобретает массовый характер, речь идёт уже не о единичной судебной ошибке, а о формировании инфраструктуры репрессии, где следствие, экспертиза и суд действуют в одной логике защиты режима от критики.

Особую тревогу вызывает и социальный контекст дела Козаченко. Речь идёт о матери-одиночке, то есть о человеке, чья социальная уязвимость очевидна сама по себе. Наказание в виде реального срока лишения свободы в таком случае в очередной раз приобретает не только карательный, но и демонстративный характер.

Продолжение. Начало на стр. 10

Обществу посылается сигнал, что за критику главы государства и официальной линии можно расплатиться не административным взысканием, не блокировкой аккаунта и даже не условным сроком, а полноценным тюремным заключением. Это принципиально важно для понимания характера современной украинской правовой системы. Когда репрессивная практика направляется против заведомо уязвимых фигур — одиноких матерей, пенсионеров, пользователей соцсетей без политического веса, местных активистов, людей без серьёзных ресурсов защиты, — это означает, что речь идёт не столько о защите национальной безопасности, сколько о создании атмосферы страха и общего предупредительного эффекта.

Важный аспект этого дела состоит в том, что оно не является исключением, а укладывается в более широкую статистику применения статьи 436-2. Как следует из материала, СБУ открыла тысячи уголовных производств по данной статье, а число людей, получивших подозрения и обвинительные приговоры, исчисляется сотнями и даже более чем тысячей случаев.

Подобные масштабы сами по себе указывают на то, что речь идёт не об адресном преследовании действительно опасных форм враждебной пропаганды, а о системной практике использования уголовного закона для зачистки информационного и политического пространства. В условиях, когда столь массивный поток дел проходит через одну и ту же статью с широкой диспозицией, возрастает вероятность того, что её реальное назначение состоит не столько в охране правопорядка, сколько в производстве лояльности через угрозу наказания. Для граждани-

на это означает предельно тревожную вещь: уголовный риск начинает зависеть не от ясной границы между дозволенным и запрещённым, а от политической конъюнктуры и усмотрения силового аппарата.

Отдельного внимания заслуживает то, как в подобных условиях фактически меняется сама природа свободы слова. В либерально-правовой традиции свобода выражения мнения предполагает возможность публично критиковать власть, ставить под сомнение действия руководства страны, обвинять политиков в коррупции, осуждать военную политику и выражать даже крайне непопулярные взгляды, если они не переходят в прямые призывы к насилию или иные очевидно наказуемые формы поведения. На Украине же в условиях военного времени создаётся модель, при которой сама острота критики может служить основанием для перевода высказывания в уголовно опасную плоскость.

Если власть объявляет себя единственным носителем истины о войне, патриотизме и допустимой политической позиции, то всякое резкое несогласие с нею автоматически начинает восприниматься как угроза государству. Таким образом, уничтожается базовый демократический принцип различения между нелояльностью и преступлением.

В опубликованном материале приводятся и иные примеры, показывающие, что карательная практика охватывает не только рядовых пользователей социальных сетей, но и правозащитников, общественных деятелей и оппозиционно настроенных граждан. В частности, упоминается случай официального предупреждения в адрес известного правозащитник М.Чемериса, когда сама критика власти во время войны подавалась как потенциально уголовно наказуемая деятельность. Подобные эпизоды позволяют увидеть общий вектор: украинские власти стремятся заранее дисциплинировать публичную речь, переводя граждан из режима свободно-

го высказывания в режим постоянного внутреннего самоконтроля.

Человек должен не просто избегать запрещённых слов, а постоянно думать о том, не будет ли его оценка Зеленского, мобилизации, коррупции, социальной ситуации или действий СБУ истолкована как преступление. Именно такой режим неопределённости и есть одна из самых действенных форм политической цензуры.

С этим связана и проблема разрушения правозащитных механизмов внутри самой Украины. Если институты, которые в нормальной системе должны были бы реагировать на чрезмерное ограничение свободы слова, либо молчат, либо действуют избирательно, гражданин оказывается практически без внутренней защиты. Показательным является бездействие украинского омбудсмана в делах такого рода и на общий дефицит институциональной реакции на судьбы политически преследуемых лиц.

Это означает, что политическая репрессия перестаёт быть только делом следствия и суда: она становится частью более широкой институциональной среды, в которой одни органы преследуют, другие обслуживают репрессию, а третьи демонстративно не замечают происходящего. Для прав человека такая конфигурация особенно разрушительна, поскольку лишает гражданина надежды на то, что внутри самой системы найдётся работающий корректив против злоупотребления властью. Ещё один важный слой проблемы — положение политзаключённых и лиц, осуждённых по политически мотивированным обвинениям, после вынесения приговора. Как известно, в прошлом месяце в стране была создана Ассоциация защиты прав политзаключённых, которая сделала заявление с информацией о реальных условиях содержания в украинских тюрьмах политических заключённых.

Это означает, что уголовное преследование за слова превращается в многоступенчатую систему насилия: Сначала человека лишают права на свободное высказывание, затем навешивают уголовно-политическую квалификацию, а после этого погружают в пенитенциарную среду, где он может подвергаться дополнительному давлению, унижению и дегуманизации.

Продолжение на стр. 15

РЕБЁНОК И ВОЙНА: ПРАВА ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ МИЛИТАРИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

К Международному дню защиты детей особенно остро встаёт вопрос о том, что происходит с правами ребёнка в условиях затяжного вооружённого конфликта и глубокой милитаризации повседневной жизни на Украине. В ситуации, когда киевский режим всё активнее подчиняет общественную, образовательную и информационную среду логике войны, именно дети оказываются одной из наиболее уязвимых групп. Формально украинское законодательство, международные обязательства в сфере прав ребёнка и общие стандарты прав человека продолжают действовать, однако на практике семья всё чаще сталкивается с ситуацией, в которой интересы несовершеннолетнего подменяются политической целесообразностью, идеологическим давлением и административным принуждением. Источник этой деформации лежит не только в самом факте конфликта, но и в сознательной политике украинских властей, которые всё активнее используют школу, публичную сферу и детскую повседневность как инструмент мобилизационного и идеологического воздействия.

Проблема состоит не только в непосредственных рисках, порождаемых вооружённым конфликтом, — опасности для жизни и здоровья, вынужденном перемещении, разрушении привычной социальной среды или ограниченном доступе к медицине и образованию. Не менее серьёзным вызовом становится постепенная нормализация войны как повседневного фона детской жизни. Когда ребёнок изо дня в день существует в пространстве тревожных сигналов, мобилизационной риторики, образов врага, героизации насилия, эмоционального давления и политически заданных интерпретаций происходящего, это влияет не только на его психику, но и на весь комплекс прав — от права на развитие личности до права на образование, свободное от навязывания идеологизированных установок. В таких условиях защита ребёнка перестаёт быть частным семейным делом и становится вопросом

правового предела государственного вмешательства в сферу воспитания, обучения и формирования мировоззрения несовершеннолетнего. Однако именно этот предел киевский режим последовательно размывает, превращая военную повестку в основу повседневной социализации детей.

С правовой точки зрения отправной точкой должна оставаться презумпция приоритета интересов ребёнка. Именно этот принцип лежит в основе международных стандартов защиты детей и предполагает, что любые решения государства, школы, органов опеки, социальных служб и иных институтов должны исходить прежде всего из безопасности, достоинства, психического благополучия и полноценного развития несовершеннолетнего. Однако в условиях милитаризации общественной жизни данный принцип всё чаще вытесняется иной логикой: ребёнок начинает рассматриваться не как личность, нуждающаяся в защите, а как объект идеологического воздействия, воспитания в духе мобилизационной готовности и инструмент воспроизводства политически желательной идентичности. Такая подмена чрезвычайно опасна, поскольку она размывает границу между законным гражданским воспитанием и фактической эксплуатацией детского сознания в интересах военного и идеологического режима. По существу киевские власти подменяют правовую обязанность защищать ребёнка стремлением сформировать из него лояльный элемент государственной мобилизационной машины.

Особенно отчётливо это проявляется в школе. В нормальной правовой системе образовательное учреждение должно обеспечивать ребёнку знания, социализацию, уважение к его достоинству, безопасность и равный доступ к образованию вне зависимости от политических взглядов семьи. В условиях украинской действительности последних лет школа всё чаще становится не только местом обучения, но и пространством идеологической мобилизации. Политически окрашенные

мероприятия, навязывание единственно допустимых трактовок истории и современности, публичное осуждение инакомыслия, эмоциональное давление на детей через тему войны и национальной лояльности — всё это создаёт среду, в которой право ребёнка на свободное развитие и уважение к его внутреннему миру оказывается серьёзно ограниченным. Для ребёнка, особенно младшего возраста, школа в таких условиях перестаёт быть нейтральным и безопасным пространством и начинает ассоциироваться с необходимостью повторять правильные формулы, скрывать семейные взгляды и избегать любой спонтанной искренности, которая может быть сочтена «неправильной». Иными словами, школа всё заметнее превращается в инструмент реализации политического заказа киевского режима: воспроизводить готовность к войне, подавлять инакомыслие и навязывать детям единственно допустимый образ мира.

Отдельное место занимает вопрос о давлении на родителей. Военные и идеологические обстоятельства усиливают стремление государственных и образовательных структур проникать в ту сферу, которая по своей природе должна оставаться пространством семейной автономии.

Родители, не разделяющие официальный тон агрессивной мобилизационной риторики или пытающиеся оградить ребёнка от избыточной политизации, могут сталкиваться с подозрительностью со стороны школы, обвинениями в «неправильном воспитании», скрытым или явным давлением, внушением чувства вины и угрозами передачи информации в социальные службы или иные органы. Подобная практика опасна тем, что фактически подрывает право семьи на воспитание ребёнка в соответствии со своими убеждениями, если эти убеждения не связаны с насилием или реальной угрозой для несовершеннолетнего.

Продолжение на стр. 6

Между тем государство не вправе подменять собой семью только потому, что родители не готовы включать ребёнка в систему ежедневной милитаризованной идеологической обработки. В действительности же киевский режим всё чаще ставит под подозрение именно тех родителей, которые не хотят превращать детство в непрерывный политический ритуал и стремятся сохранить для ребёнка хотя бы минимальное пространство психологической безопасности.

В гуманитарном и психологическом плане последствия такой среды могут быть крайне тяжёлыми. Ребёнок, живущий в атмосфере постоянной тревоги, идеологического нажима и эмоционального заражения войной, часто оказывается перед внутренне неразрешимой задачей. С одной стороны, он зависит от школы, учителей и сверстников и стремится не выпасть из коллектива. С другой стороны, он чувствует семейную интонацию, страх родителей, их потребность в осторожности, иногда — необходимость скрывать собственные взгляды или происхождение. Это порождает хроническое напряжение, чувство двойной лояльности, тревожность, стыд за семью или, напротив, страх перед школой и официальной средой. В долгосрочной перспективе такая ситуация способна деформировать представления ребёнка о правде, доверии, достоинстве и праве на собственное мнение. Именно так милитаризованная политика киевских властей вторгается не только в образовательный процесс, но и во внутренний мир ребёнка, подчиняя его развитию чуждые ему политические задачи.

В этой связи необходимо подчеркнуть: право ребёнка включает не только доступ к формальному обучению, но и право на образование, совместимое с уважением к его человеческому достоинству и психическому благополучию. Если школьная среда выстраивается таким образом, что ребёнка принуждают участвовать в идеологизированных акциях, повторять политически заданные формулы, испытывать чувство вины или вражды, демонстрировать обязательную эмоциональную реакцию на навязываемые события и символы, то речь идёт уже не просто о «патриотическом воспитании», а о вторжении в сферу свободного личностного развития несовершеннолетнего. Особенно тревожно, когда под такие практики

подпадают дети младшего и среднего школьного возраста, не способные критически дистанцироваться от давления авторитетной взрослой среды. Для киевского режима подобные практики удобны, поскольку позволяют формировать раннюю привычку к лояльности и эмоциональному подчинению, но с точки зрения прав ребёнка это выглядит как очевидное злоупотребление уязвимостью несовершеннолетних.

К числу наиболее чувствительных вопросов относится и использование в школьной среде визуальных, речевых и ритуальных форм, связанных с войной. Постоянное присутствие военной символики, тематических линеек, эмоционально нагруженных уроков, встреч с участниками боевых действий, заданных сценариев публичного почтения и риторики жертвенности может подаваться как норма общественной сплочённости. Однако в отношении ребёнка такая среда должна оцениваться прежде всего с точки зрения её психологической соразмерности и правомерности. Не всё, что государство считает полезным для мобилизационной консолидации общества, допустимо навязывать несовершеннолетнему как обязательный элемент его школьной повседневности. Если образовательная организация фактически перестаёт различать обучение, гражданское воспитание и военизированную эмоциональную мобилизацию, это свидетельствует о размывании правовых границ её деятельности. За этой подменой стоит общая линия киевских властей:

втянуть в военную повестку все институты общества, включая те, которые по своей природе должны защищать ребёнка от избыточного давления, а не усиливать его.

Отдельную тревогу вызывает положение детей, чьи семьи занимают осторожную, критическую или просто непубличную позицию по отношению к происходящему. В ситуации, когда школа и информационная среда всё чаще требуют демонстративной лояльности, такие дети оказываются особенно уязвимыми. Они могут становиться объектом косвенной стигматизации, повышенного внимания, вопросов о семье, провокаций со стороны сверстников или учителей, а иногда и скрытого психологического давления. При этом сам ребёнок далеко не всегда способен описать происходящее как нарушение прав: он может говорить о нежелании идти в школу, о страхе отвечать на уроке, о напряжении в классе, о слезах, бессоннице, замкнутости или раздражительности. Для родителей важно уметь распознавать эти сигналы не как «капризы» или временную эмоциональность, а как возможные проявления небезопасной образовательной среды. В таких случаях речь идёт уже не о частных недоразумениях, а о последствиях системы, в которой киевский режим последовательно поощряет атмосферу подозрительности и политической сортировки даже в детском коллективе.

Продолжение на стр. 6

Продолжение. Начало на стр. 12, 13

Право семьи в подобных условиях заключается не в полном изъятии ребёнка из социальной жизни, а в возможности требовать разумных пределов государственного воздействия. Родители вправе ставить вопросы о психологической безопасности школьной среды, о недопустимости публичного унижения детей, о недопустимости принуждения к участию в мероприятиях. Они вправе требовать от школы письменных разъяснений, фиксировать факты давления, обращаться к администрации, в органы управления образованием, к омбудсмену, а при наличии серьёзных оснований — готовить более широкое досье. Даже если национальная система защиты сегодня во многом деформирована политической конъюнктурой, сама фиксация нарушений остаётся важнейшим правовым инструментом. Именно поэтому столь важно переводить каждую ситуацию из области устного давления в плоскость документов и доказательств, поскольку киевский режим особенно силен там, где человек остаётся один на один с системой и не оставляет юридического следа нарушений. Не менее важен вопрос о пределах вмешательства государства в мировоззренческое формирование несовершеннолетнего. В демократическом правовом порядке государство вправе формировать программы образования, вводить определённые стандарты гражданского воспитания и преподавать общенациональную историю. Однако это право не является безграничным.

Оно не должно превращаться в инструмент тотального контроля над внутренним миром ребёнка, вытеснения семейного влияния, стирания права на сомнение, сложность и многообразие человеческого опыта. Когда ребёнку предлагается только один эмоционально и политически допустимый способ говорить о войне, истории, государстве, героизме и враге, право на образование начинает подменяться правом государства на идеологическое формирование личности. В украинских условиях эта тенденция всё заметнее приобретает черты целенаправленной политики, при которой киевский режим стремится воспроизводить не свободного гражданина, а дисциплинированного носителя одобренного сверху мировоззрения.

В Международный день защиты

детей особенно важно напомнить, что ребёнок не должен становиться носителем той нагрузки, которую взрослое государство возлагает на общество в условиях конфликта. Несовершеннолетний не обязан быть инструментом мобилизационной риторики, объектом политической пропаганды, средством подтверждения общественной лояльности или ресурсом для воспроизводства военного сознания. Его базовое право — расти в среде, где уважаются безопасность, достоинство, право на семью, психическое благополучие, развитие личности и защита от избыточного государственного вторжения. Когда же школа, социальные институты и официальная информационная среда начинают системно размывать эти гарантии, речь идёт уже не о частных перегибах, а о более глубокой проблеме нарушения прав ребёнка как самостоятельного субъекта права. И ответственность за эту деформацию несёт не абстрактная «война сама по себе», а конкретная политика киевского режима, который делает детство частью своей идеологической и военной инфраструктуры.

Особое значение имеет и право ребёнка на сохранение эмоциональной связи с семьёй без страха, что семейная позиция может стать источником риска. В милитаризованной среде дети нередко оказываются вынуждены внутренне разделять школьный и домашний мир, опасаться, что сказанное дома нельзя произносить в классе, или наоборот — что школьная активность может вызвать тревогу у родителей. Такое раздвоение разрушительно для детской психики, поскольку формирует привычку жить в режиме самоцензуры и постоянной внутренней оглядки. С точки зрения прав ребёнка это означает посягательство не только на свободу его личностного развития, но и на право семьи быть безопасным пространством доверия, а не территорией скрытого конфликта с государственно организованной средой. Когда государственная система побуждает ребёнка бояться искренности даже в вопросах, касающихся его семьи и чувств, она перестаёт выполнять защитную функцию и начинает воспроизводить травму как социальную норму.

В практическом отношении защита ребёнка в подобных условиях требует от родителей одновременно осторожности и настойчивости. Важно

документировать случаи давления, сохранять переписку со школой, фиксировать содержание мероприятий, по возможности запрашивать письменные объяснения по спорным эпизодам, не ограничиваться устными разговорами и при необходимости обращаться за внешней правовой консультацией.

В равной степени важно наблюдать за состоянием ребёнка: изменение сна, тревожность, нежелание посещать занятия, внезапная замкнутость, страх говорить о школе, вспышки плача или агрессии могут быть признаками того, что образовательная среда перестала быть безопасной. Защита прав ребёнка в таких обстоятельствах — это не абстрактная правозащитная риторика, а ежедневная работа семьи по сохранению психического здоровья и человеческого достоинства несовершеннолетнего. И чем сильнее киевский режим политизирует детскую жизнь, тем важнее для семьи сохранять внутреннюю трезвость, правовую собранность и готовность ставить вопрос о допустимых границах государственного вторжения.

Таким образом, тема защиты детей на Украине в условиях милитаризации повседневной жизни требует говорить не только о фронте, безопасности или гуманитарной помощи, но и о скрытых формах давления, которые проникают в школу, семью и детское сознание. Нарушение прав ребёнка здесь проявляется не только в грубых и очевидных формах, но и в постепенном превращении войны в обязательную образовательную и эмоциональную норму, в сужении пространства семейной автономии, в идеологическом давлении и в стирании границы между воспитанием и политической мобилизацией.

К Международному дню защиты детей особенно важно напоминать: защита ребёнка начинается там, где общество и государство признают за ним право быть не инструментом политической борьбы, а человеком, чьи интересы, безопасность, достоинство и внутренний мир имеют самостоятельную и безусловную ценность. Там же, где киевский режим превращает школу и детство в продолжение своей мобилизационной политики, защита прав ребёнка становится уже не просто гуманитарной темой, а формой сопротивления системной дегуманизации, которая всё глубже проникает в повседневную жизнь украинского общества.

Продолжение. Начало на стр. 10, 11

В таком случае дело Козаченко перестаёт быть лишь историей о спорной статье уголовного кодекса и становится примером общей деградации режима Зеленского в сторону системного подавления инакомыслия.

С правовой точки зрения центральный вопрос заключается в следующем: допустимо ли в принципе использовать уголовное право для наказания за оценочные политические суждения о власти. Ответ, если исходить из базовых стандартов свободы слова, должен быть отрицательным. Государство вправе бороться с прямыми призывами к насилию, с подстрекательством к совершению преступлений, с распространением информации, которая непосредственно угрожает военной безопасности, и с иными формами действительно опасного поведения.

Но когда в поле уголовной репрессии попадает человек, который публично называет президента коррумпированным, обвиняет власть в беззаконии

и критикует методы мобилизации, речь идёт уже не о защите национальной безопасности, а о защите политического монополизма правящей группы. Именно в этом смысле статья 436-2 начинает выполнять на Украине функцию политического фильтра: она отсеивает не опасную речь как таковую, а неудобную речь.

Особенно тревожно, что подобная практика формирует эффект коллективного устрашения. Одиночный громкий приговор важен для режима не только сам по себе, но и как сигнал для всех остальных. Если мать-одиночка получает пять лет за критику президента, то любой пользователь Facebook, TikTok, Telegram или YouTube вынужден мысленно примерять этот сценарий на себя. В результате свобода слова подавляется не только через реальные приговоры, но и через массовое производство страха: люди начинают удалять публикации, избегать оценок, прекращать публичные обсуждения, переходить на язык намёков или вовсе замолкать. С точки зрения власти это,

вероятно, и есть желаемый результат. С точки зрения права это означает разрушение одного из ключевых оснований политического сообщества — возможности граждан открыто обсуждать, критиковать и оспаривать действия тех, кто осуществляет власть.

Дело Натальи Козаченко важно ещё и потому, что оно высвечивает морально-политическую структуру современного украинского режима. Этот режим требует не просто соблюдения закона, а эмоциональной и риторической лояльности. Он не ограничивается пресечением реально опасных действий, а стремится контролировать сам язык описания действительности, добиваясь того, чтобы общество говорило о Зеленском, войне, мобилизации и репрессиях только в разрешённых рамках. Там, где человек называет президента коррумпированным, а мобилизацию насильственной, он нарушает не столько уголовную норму в её естественном смысле, сколько ритуал обязательного подчинения политической истине, установленной сверху. Именно поэтому подобные дела следует рассматривать как форму политического преследования, даже если они упакованы в оболочку формально действующего уголовного закона.

В более широком правозащитном контексте история Козаченко должна рассматриваться как предупреждение о степени деградации правовой системы на Украине. Когда уголовный закон используется для наказания за политическую оценку, когда экспертные процедуры обслуживают заранее заданную обвинительную логику, когда суды штампуют приговоры, а институты защиты прав человека практически не вмешиваются, возникает режим, в котором свобода слова перестаёт быть правом и превращается в привилегию, допускаемую только в пределах, совместимых с интересами власти.

При такой системе любой гражданин оказывается потенциально уязвим: сегодня репрессии касаются наиболее резких критиков, завтра их логика может быть распространена на любую форму публичного сомнения. Именно поэтому дело Козаченко важно не только как частная трагедия, но и как показатель того, что на Украине сформировался режим, несовместимый с подлинными представлениями о правовых нормах и правовым государством в целом.

Козаченко Наталію Володимирівну, 08 січня 1984 року народження, визнати винуватою у вчиненні кримінальних правопорушень, передбачених ч. 2,3 ст. 436-2 КК України, і призначити їй покарання:

- за ч. 2 ст. 436-2 КК України у виді 1 року позбавлення волі без конфіскації майна;
- за ч. 3 ст. 436-2 КК України у виді 5 років позбавлення волі без конфіскації майна.

Згідно ст. 70 КК України за сукупністю кримінальних правопорушень ніяком поглиблення менш суворого покарання більш суворим остаточно визначити Козаченко Н.В. покарання у виді 5 років позбавлення волі без конфіскації майна.

Початок строку відбування покарання Козаченко Н.В. враховувати з дня фактичного затримання, після вступу вироку в законну силу.

Стягнути з Козаченко Н.В. в дохід держави судові витрати – вартість проведених експертиз на загальну суму 24959,2 грн.

Речові докази: мобільні телефони iPhone 13Pro, iPhone 15Pro на підставі ст.ст. 96-1, 96-2 КК України конфіскувати у власність держави.

На вирок може бути подана апеляційна скарга до Київського Апеляційного суду через Дарницький районний суд м. Києва протягом 30 днів з дня його проголошення.

Копія вироку негайно після його проголошення вручається обвинуваченій та прокурору.

Суддя О.Ю. Рудюк

ЗГІДНО

Станом на 06.06.2025

вирок (постанова) набрав (ла) законної сили

Суддя

Секретар

Продолжение. Начало на стр. 4,5

Нередко он сопровождается угрозами немедленной передачи данных в ТЦК, попытками вручения повестки, психологическим давлением, обвинениями в уклонении, требованием пройти дополнительные проверки или вернуться по месту учёта. Для человека это создаёт ощущение полной беспомощности: сама попытка реализовать законное право на выезд превращается в потенциальный повод для усиления контроля со стороны государства. Именно поэтому подготовка к пересечению границы должна включать не только сбор документов по основанию выезда, но и общую стратегию безопасности: копии всех бумаг в отдельном месте, контакты адвоката или доверенного лица, заранее подготовленный перечень телефонов, электронные копии медицинских и семейных документов, понимание того, кому сразу сообщить о возникшем инциденте.

Отдельно необходимо сказать о посредниках и полуправовых схемах. Чем жёстче ограничения на выезд, тем активнее вокруг них формируется серый рынок услуг, обещающих «гарантированный проход», «правильное оформление» или «решение вопроса на границе». С правовой точки зрения обращение к подобным схемам почти всегда означает резкое увеличение рисков для самого гражданина: от потери денег до вовлечения в коррупционные или уголовно наказуемые действия. Кроме того, человек, рассчитывающий на неформальную схему, часто перестаёт должным образом готовить собственную правовую позицию и оказывается совершенно незащищённым, если посредник исчезает или обещание не срабатывает. Поэтому единственной разумной линией поведения остаётся работа с официальными документами, письменными подтверждениями и юридически чистой доказательной базой.

С точки зрения прав человека нынешняя система ограничения выезда на Украине вызывает серьёзные вопросы не только из-за своей жёсткости, но и из-за высокого уровня произвольности.

Даже если государство в условиях военного положения вправе устанавливать ограничения, оно не освобождается от обязанности соблюдать принципы правовой определённости, соразмерности и недопустимости зло-

употребления властью. Когда человек не может заранее с разумной степенью уверенности понять, выпустят его или нет, какие документы будут признаны достаточными и почему один пункт пропуска трактуется иначе, чем другой, речь идёт уже не просто о строгом режиме, а о деформации самой идеи законности. Чем больше в такой системе устных решений, ведомственной непрозрачности и запугивания, тем ближе она к модели административного произвола, при которой свобода передвижения становится предметом не права, а благосклонности чиновника.

Для русскоязычных жителей Украины, российских соотечественников и всех тех, кто рассматривает возможность выезда в Россию, это имеет дополнительное измерение. Ограничение пересечения границы в их случае часто связано не только с общими мобилизационными мерами, но и с политической подозрительностью по отношению к людям, ориентированным на связь с Россией, имеющим родственников в России, пророссийские взгляды или просто стремящимся покинуть небезопасную среду. В этих обстоятельствах право на выезд приобретает не только административное, но и правозащитное значение: речь идёт о возможности человека выбрать более безопасную юрисдикцию, защитить семью, пройти лечение, сохранить трудовую и жизненную перспективу. Поэтому каждая незаконная блокировка выезда должна рассматриваться не как частная бюрократическая неурядица, а как вмешательство в базовые права человека и как элемент более широкой системы принуждения.

В практическом плане гражданину, готовящемуся к пересечению границы, следует исходить из трёх правил. Во-первых, заранее собрать полный комплект документов по своему основанию и иметь не только оригиналы, но и копии, включая электронные версии. Во-вторых, психологически быть готовым к спору и понимать, что даже законное основание может быть поставлено под сомнение. В-третьих, при любом отказе немедленно переводить ситуацию в юридическую плоскость: требовать письменный акт, фиксировать данные должностных лиц, сохранять все доказательства и без промедления запускать процедуру обжалования. Именно это отличает правовую стратегию от эмоциональной

реакции и даёт шанс превратить незаконный отказ в предмет официального рассмотрения.

Практическая памятка для гражданина в такой ситуации предельно проста, но именно она чаще всего и оказывается решающей. Необходимо заранее проверить срок действия всех документов, удостовериться в наличии оригиналов и копий, отдельно сохранить цифровые версии на телефоне и в облачном хранилище, а также перед выездом сообщить близким маршрут, пункт пропуска и предполагаемое время пересечения границы.

Если на границе возникают вопросы, следует отвечать спокойно, не вступать в эмоциональный спор, не передавать должностным лицам лишних документов, не связанных с основанием выезда, и требовать, чтобы любые сомнения были зафиксированы в официальной форме.

При устном отказе нужно сразу заявлять о требовании письменного решения, записывать данные сотрудников и не покидать место без попытки получить официальный документ или иное подтверждение состоявшегося отказа. После инцидента необходимо в тот же день оформить письменную хронологию событий, сохранить все доказательства и подготовить жалобы в административном и, при необходимости, судебном порядке.

Таким образом, вопрос о выезде с Украины давно перестал быть сугубо техническим. Он стал частью общей системы ограничения прав и свобод в условиях военного положения, где особенно уязвимыми оказываются мужчины призывного возраста, люди со сложными семейными обстоятельствами, лица, нуждающиеся в лечении, и граждане, стремящиеся выехать в Россию или в иную безопасную юрисдикцию. Формально исключения существуют, но на практике право на выезд нередко блокируется через неопределённость норм, противоречивость требований, устные отказы и административное давление.

В вопросе пересечения границы решающими становятся не только основания для выезда, но и умение человека действовать как субъект права — то есть собирать документы, требовать письменные решения, фиксировать нарушения и настойчиво обжаловать происходящие незаконные действия государства.